ют линии близкие к психоощущению современного зрителя. Во всем спектакле какая-то целомудренная сдержанность, ропотливый, математический расчет, это подлинный спектакль, сделанный по НОТ'у, где художник постановщик фантазию свою властно подчиняет целесознательному анализу материала.

Чего достиг в этой постановке Камерный с точки зрения своих новых путей?

1. Восстановил оперетту, как социальную сатиру.
2. Подчинил постановку замыслу автора текста, где взят установка на сатиру в отношении самой „традиционной" оперетты.
3. Вытравил из оперетты всякий намек на нездоровую эротику, что отмечало, главным образом, оперетту, как жанр.
4. Избежал соблазна сделать из этой оперетты своеобразную—„феерию" в обычном для Камерного стиле.
5. Подчинил пластику спектакля здоровому и четкому физкультурному ритму, избежав расслабленного салонно-танцевального уклона, наиболее характерного для оперетты.

И этим мы отвечаем на вопрос о значении постановки наших дней развития советской оперетты, ибо „День и ночь" уже имеет в себе все элементы, которые могут быть использованы в советской оперетте, включая и установку текста, где при сохранении пока чужой западной фабулы, все пронизано современностью — в эпитетах, остротах, намеках и т. п., а порою даже и во всем словесном материале Отсюда уже не так далеко до оперетты с сюжетным построением на современную советскую тему, с которой Камерный театр имеет все данные справиться.

БОРИС ВАКС

МАНОЛА и КОНСУЭЛЛА—ГОЛУБЕЕВА и ЭФРОН

ИНДИЙСКАЯ ПЕСЕНКА—ГОЛУБЕЕВА и АРКАДИН

О НАТЕ ГЛАН

Танцовальный букварь Наты ГЛАН прост, но своеобразен,— почти необычен.

Глановские движения— эмоция прежде всего.-Какая эмоция? Ее танцоры ожесточенно шаркают ногами, как полотеры; упрямо подчеркивая всем корпусом, топают ногами, причудливо выбрасывая их в разные стороны; прижатыми к телу локтями натирают себе, будто чешут, грудь и мн. др. Все это движения озорства, баловства, задора, и, притом не взрослого, а детского, по-детски непосредственного и нестесняющегося,—проявления своеобразной инфантильности не во фрейдистском понимании ее как отсталости, а в обще-биологическом значении детскости, детской свежести и простоты

Из этого озорства и баловства ГЛАН и делает свои танцы.

Из своего, варварского для непривычных глаз, материала ГЛАН сумела скомбинировать для „Дня и ночи" семь удивительных по яркости самостоятельных танцев и пластических сопровождений, сливающихся с формой и ритмом всего спектакля. При этом ГЛАН—не пуристка, и не чуждается при необходимости иных форм. В темпах болеро 3-го действия дан отличный в своих намеках испанский (кто его знает—требуемый либретто португальский) акцент. В дуэте Мигуэля и Маноллы уместно вкраплены ragtime и каблучки.

Совершенно нов для манеры оперетты и обозрения массовый аккомпанимент из простых приемов приседания и поднимания фигур, расположенных на разных уровнях сцены. С моей узко-хореографической точки зрения, сработанное ГЛАН в „Дне и ночи" заслуживает самого пристального внимания.

А. А. ЧЕРЕПНИН